

POEMS
NOT INCLUDED IN
POEMS AND PROBLEMS

SOFTEST OF TONGUES

To many things I've said the word that cheats
the lips and leaves them parted (thus: *prash-chai*
which means «good-bye») — to furnished flats, to streets,
to milk-white letters melting in the sky;
to drab designs that habit seldom sees,
to novels interrupted by the din
of tunnels, annotated by quick trees,
abandoned with a squashed banana skin;
to a dim waiter in a dimmer town,
to cuts that healed and to a thumbless glove;
also to things of lyrical renown
perhaps more universal, such as love.

Thus life has been an endless line of land
receding endlessly.... And so that's that,
you say under your breath, and wave your hand,
and then your handkerchief, and then your hat.
To all these things I've said the fatal word,
using a tongue I had so tuned and tamed
that — like some ancient sonneteer — I heard
its echoes by posterity acclaimed.
But now thou too must go; just here we part,
softest of tongues, my true one, all my own....
And I am left to grope for heart and art
and start anew with clumsy tools of stone.

<1941>

Mass.

EXILE

He happens to be a French poet, that thin,
book-carrying man with a bristly gray chin;
you meet him wherever you go
across the bright campus, past ivy-clad walls.
The wind which is driving him mad (this recalls
a rather good line in Hugo),
keeps making blue holes in the waterproof gloss
of college-bred poplars that rustle and toss

НЕЖНЕЙШИЙ ИЗ ЯЗЫКОВ

Произноси обманные слова,
что губы дерзко дразнят, разделяя
(*про-щай* или *good-by*), — пейзажу, чья листва,
посланья бледные небес листая,
провидит тусклый грохот, где тоннель
с раздавленной кожурой банана,
из сердца изгоняет бедный хмель,
и зарастает сумрачная рана.
Тускнеет город, сер и непригож,
и чешуя беспалая перчаток
предвосхитит лирическую дрожь
любви и славы, в языке зачатых.

За горизонт стремится мотылек,
что в бездну проводил стихотворенье,
разлукой озаряется Восток,
и, в немоте, взыскует возвращенья.
Так находи фатальные слова
и приручай их к воле и дерзанью,
подхватит их народная молва,
как римского сенатора признание.
Ты отлетел, мы разъединены,
нежнейший мой язык, моя утрата,
и губы обрабатывать должны
язык иной, для сердца грубоватый.

ИЗГНАННИК

Поэт из Франции: небритость, легкий тик,
со стопкой книг худой его двойник,
вы встретите в рассеянье его
среди кампуса, увитого площом,
и ум безумца — ветром возмущен,
(ища прибежища в строке Гюго),
что в блеске между листьев тополей
роняет синевы бездонный клей,

their slippery shadows at pied
young beauties, all legs, as they bicycle through
his shoulder, his armpit, his heart, and the two
big books that are hurting his side.

Verlaine had been also a teacher. Somewhere
in England. And what about great Baudelaire,
alone in his Belgian hell?

This ivy resembles the eyes of the deaf.
Come, leaf, name a country beginning with «f»;
for instance, «forget» or «farewell».

Thus dimly he muses and dreamily heeds
his eavesdropping self as his body recedes,
dissolving in sun-shattered shade.

L'Envoi: Those poor chairs in the Bois, one of which
legs up, stuck half-drowned in the slime of a ditch
while others were grouped in a glade.

1942

A POEM

When he was small, when he would fall,
on sand or carpet he would lie
quite flat and still until he knew
what he would do: get up or cry.

After the battle, flat and still
upon a hillside now he lies –
but there is nothing to decide,
for he can neither cry nor rise.

1942

Minnesota

DREAM

«Now it is coming, and the sooner
the better», said my swooning soul —
and in the sudden blinding lunar
landscape, out of a howling hole

a one-legged child that howled with laughter
hopped and went hopping hopping after
a bloody and bewildered bone,
a limb that walked away alone.

Perhaps the window shade had billowed
and slapped the darkness on the face;
but when I had picked up and pillowed
the book of sleep and found the place,

I saw him haltingly returning

иначе разбежались бы предметы,
что шествуют насквозь – велосипед,
красавицы, их ножки, тени, свет,
и книги, суетою не задеты.

Верлен учитель в Англии. Бодлер
слагал в аду бельгийском, для химер,
был одиночеству судьей и братом.
Глаза плюща устремлены на блеф.
Листва бормочет о стране на «эф» –
как, например, Фортуна или фатум.
Он соглядатай собственных теней,
и разум медитирует ясней
в распадах плоти, на немом экране.
Итог: Булонский лес, где стулья меж кустов,
один торчит во рву, в тенетах слов,
а прочие – внимают на поляне.

ПОЭМА

Ребенком падал на ковер,
где притворялся, что убит,
и взрослых застывал укор:
поднимется иль закричит?

Он после боя распростерт
ниц – на холме, – теперь всерьез
читает небо приговор:
ни встать, ни крикнуть среди звезд.

МЕЧТА

«Верни скорее», - умоляя,
душа металась в полусне.
Свое затмение постигая,
луна слепила бездны вне,

искала мальчика, калеку,
смеющегося невпопад, -
нога его, без человека,
кровоточила, шла назад.

Тень на лице от старой рамы
пощечиною обдала,
сияли лунно амальгамы
подушек, что читала мгла.

Он возвращался, спотыкаясь,

out of the dust, back to the burning
hole of his three-walled home – that boy
hugging a new, a nameless toy.

<1944> *Cambridge, Mass.*

DANDELIONS

Moons on the lawn replace the suns
that mowers happily had missed.
Where age would stoop, a babe will squat
and rise with star-fluff in its first.

1950, *Ithaca, New York*

LUNAR LINES

Spell «night». Spell «pebbles»: Pebbles in the Night,
Peep, crated chicks on lonely station! This
Is now the ABC of the abyss,
The Desperanto we must learn to write.

<1966>

в пыли, в клубящуюся речь,
в зиянье пламени являясь,
обняв таинственную вещь.

ОДУВАНЧИКИ

Преобразились солнца – в луны,
что избежали сенокоса.
На корточках поднялись, юны,
и пухом звезд покрыли косы.

ЛУННЫЕ СТРОКИ

Произнеси: «Туман в ночи... кремнистый путь».
Чирикание цыплят сквозь мирозданье.
Телеканалу ABC отверста суть –
Язык разлуки, бездны и познания!

Перевод с английского Алексея Филимонова

Стихотворения на английском, не вошедшие в прижизненные
сборники, № 432-437.

Из издания: В.В. Набоков *Стихотворения*. Новая библиотека
поэта. СПб., 2002.

